

Поэзия Танской эпохи

Эпоха Танской династии (618—907) явилась в истории китайского государства периодом наивысшего развития феодального общества. Экономический подъем, расширение внешних связей, небывалый расцвет культуры способствовали значительному развитию художественного творчества. Эти три столетия обогатили китайскую поэзию неумирающими, вечно живыми творениями.

Творчество одного из величайших поэтов Китая Ду Фу (712—770) связано с периодом начавшегося политического упадка танской империи. Ду Фу являлся продолжателем лучших традиций прошлого и основоположником новых традиций в китайской поэзии.

Движимый стремлением служить народу, поэт был полон глубокого участия к интересам простых людей, великой тревоги за судьбу своей родины.

Искреннее сочувствие к обездоленному человеку, лишенному крова, гонимому нуждой и несправному, — эта высокая гуманистическая цель характерна для всего творчества великого Ду Фу.

В его поэтических творениях, в его песнях получила свое выражение борьба народа против господства мрачных сил, против тирании власть имущих, против неравенства.

Ду Фу, происходивший из помещичьей среды, поднялся над представителями своего класса, возвысил против него свой гневный голос, объявил ему войну. И здесь, разумеется, сказались качества характера самого поэта, черты его гения. Главное же — суровая правда жизни неотвратимо влияла на формирование мировоззрения поэта.

Ду Фу, чья муза была музой ненависти к богатым и негасимой любви к беднякам, тонко воспринимал все истинно прекрасное. Он оставил точные и живые зарисовки народной жизни. Он глубоко чувствовал живопись и музыку. В своих произведениях Ду Фу выступает также непревзойденным мастером пейзажа.

Со своеобразием творческой манеры Ду Фу связаны и особенности его лексики, фразеологии, стиля. Его язык, изящный и выразительный, глубоко и точно раскрывает идею художника.

Ду Фу развил лучшие литературные традиции, необычайно много сделал для обработки народного языка и развития различных поэтических жанров. Поэзия Ду Фу, отображающая целую эпоху, часто именуемая «поэтической историей», оказала огромное влияние на многих крупных поэтов Китая последующих столетий.

Ду Фу особенно близок нашим современникам своим глубоким пониманием борьбы народа за свободу, за лучшую жизнь, за право самому распоряжаться своей судьбой.

Д у Ф у

Стихи

СТИХИ О ТОМ,
КАК ОСЕННИЙ ВЕТЕР РАЗЛОМАЛ КАМЫШОВУЮ
КРЫШУ МОЕЙ ХИЖИНЫ

Перевод с китайского Александра Гитовича

Осенний ветер
Дует все сильнее,

Дела свои
Разбойничьи верша:

Он с тростниковой
Хижины моей

Сорвал
Четыре слоя камыша.

Часть крыши
Оказалась за рекой,

Рассыпавшись
От тяжести своей.

Часть,
Поднятая ветром высоко,

Застряла на деревьях
Средь ветвей.

Остатки — в пруд слетели
За плетень,

И крыша — вся —
Исчезла, словно дым.

Мальчишки
Из окрестных деревень

Глумятся
Над бессилием моим.

Они, как воры,
Среди бела дня

Охажки камыша
Уволокли

Куда-то в лес,
Подальше от меня,

Чем завершили
Подвиги свои.

Рот пересох мой,
Губы запеклись,

Я перестал
На сорванцов кричать.

На стариковский посох
Опершись,

У своего окна
Стою опять.

Стих ветер
Над просторами земли,

И тучи стали,
Словно тушь, черны.

Весь небосклон
Заволокли они,

Но в сумерках —
Почти что не видны.

Ложусь под одеяло
В тишине,

Да не согреть
Старика оно:

Сынишка мой,
Ворочаясь во сне,

Поистрепал его
Давным-давно.

А дождь
Не то чтобы шумит вдали —

Он просто
Заливает мне кровать,

И струйки,
Как волокна конопля,

Он тянет
И не хочет перестать.

И так уж
Обессилен я войной,

Бессонница
Замучила меня,

Но эту ночь,
Промокший и больной,

Как проведу
До завтрашнего дня?

О, если бы
Такой построить дом,

Под крышею
Громадную одной,

Чтоб миллионы комнат
Были в нем

Для бедняков,
Обиженных судьбой.

Чтоб не боялся
Ветра и дождя

И, как гора,
Был прочен и высок,

И если бы,
По жизни проходя,

Его я наяву
Увидеть мог,

Тогда
Пусть мой развалится очаг,

Пусть я замерзну —
Лишь бы было так.

ПЕСНЯ
О ХЛЕБЕ И ШЕЛКОВИЧНЫХ ЧЕРВЯХ

Наверно, городов
У нас в стране

Теперь не меньше
Тысяч десяти.

Но разве есть такой —
Скажите мне, —

Где б воинов
В доспехах не найти?

О, если б
Переплавить мы могли

Доспехи
На орудия труда,

Чтоб каждый дюйм
Заброшенной земли

Перепахать.
И было б так всегда.

Чтобы крестьянин
Сеял в добрый час

И шелководством
Занялся опять;

Чтоб мирным людям,
Как теперь у нас,

Не надо было
Слезы проливать;

Мужчины в поле
Выполняли б долг,

И пели женщины,
Мотая шелк.

ЗАСОХШИЕ ПАЛЬМЫ

Бесчисленные пальмы
В Сычуани

Высоко подняли
Свои вершины,

Но им, кору сдирая,
Тело ранят —

Не будет скоро их
И половины.

Они напрасно
Листья расстилали.

Зеленые
И летом и зимою,

Но — раненные —
Выдержат едва ли

И скоро
Попрощаются с листвою.

Мне бедствия народа
Сердце ранят,

Чиновники забыли
Слово «жалость».

Вы, жители долин
Янцзы и Ханя,

Скажите — что у вас
Еще осталось?

Вы, как и пальмы,
Выдержать не в силах,

И я о вас
Вздыхаю не впервые.

Те, кто мертвы,
Покоятся в могилах,

Но чем — спрошу —
Прокормятся живые?

Посвистывает иволга
Печально,

Вокруг нее
Зеленый луг раскинут.

И я в печали
Думаю о пальмах,

Что в сорных травах
Пропадут и сгинут.

СТИХИ В 500 СЛОВ О ТОМ, ЧТО У МЕНЯ БЫЛО НА ДУШЕ,
КОГДА Я ИЗ СТОЛИЦЫ НАПРАВЛЯЛСЯ В ФЫНСЯНЬ

В Дулине
Человек в пеньковом платье *

Хоть постарел —
А недалек умом:

Как мог такую глупость
Совершать я,

Чтоб с Цзи и Се *
Равнять себя тайком?

А просто
Во дворце я непригоден,

И надо мне
Безропотно уйти. в том

Умру — поймут,
Что о простом народе

Всегда я думал,
До конца пути.

И сердца жар,
Бредя тропой земною,

Я отдавал народу
Всей душой.

Пусть господа
Смеются надо мною,

Но в громких песнях
Слышен голос мой.

Не то, чтоб не хотел
Уйти от шума

И жить, не зная
Горя и тревог, —

Но с государем,
Что подобен Шуню,

Расстаться доброволью
Я не мог.

Не смею утверждать,
Что ныне нету

Людей, способных
Управлять страной,

Но как подсолнечник
Стремится к свету,

Так я стремился
Верным быть слугой.

Я думаю
О стае муравьиной,

Что прячется
В тиши спокойных нор.

А я хотел,
Как истинный мужчина,

На океанский
Вырваться простор.

Для этого
И жить на свете стоит,

А не искать вниманья
У вельмож.

Пусть пыль забвения
Меня покроет,

Но на льстецов
Не буду я похож.

Сюй Ю и Чао Фу *
Не так страдали,

Стыжусь —
А измениться не могу.

Вином пытаюсь
Разогнать печали

И песнями —
Гнетущую тоску.

Теперь зима,
И листья облетели,

От ветра
Треснут, кажется, холмы.

Ночные небеса
Грозят метелью,

И я бреду
Среди угрюмой тьмы.

Окоченели пальцы —
Силы нету,

А пояс развязался,
Как на грех.

Но до Лишани *
Доберусь к рассвету,

Где государь
Пирует без помех.

Колышутся знамена,
Как в столице,

В дозоре гвардия —
На склонах гор.

Над Яочи *.
Горячий пар клубится,

И блеск оружия
Ослепляет взор.

Здесь государь
Проводит дни с гостями,

Я слышу —
Музыка звучит опять.

Те, кто в халатах
С длинными кистями, *

Купаться могут здесь
И пировать.

Но шелк, сияющий
В дворцовом зале, —

Плод женского
Бесбонного труда.

Потом мужчин
Кнутах избивали —

И подати
Доставили сюда

И если
Государь наш милостивый,

Тот дивный шелк
Сановникам даря, *

Хотел, чтоб власти
Были справедливы,

То не бросал ли он
Подарки зря?

Да, здесь чиновников
Полно повсюду,

А патриотам —
Не открыть сердца.

К тому ж, я слышал,
Золотые блюда

Увезены
Из алого дворца.

И три небесных феи *
В тронном зале,

Окутав плечи
Нежной кисеей,

Под звуки флейт,
Исполненных печали,

С гостями веселятся
День-деньской.

И супом
Из верблюжьего копыта

Здесь потчуют
Сановных стариков,

Вина и мяса
Слышен запах сытый,

А на дороге —
Кости мертвецов.

От роскоши
До горя и бесправья —

Лишь шаг.
И нет упрека тяжелей.

Я колесницу
К северу направил,

Чтобы добраться
К рекам Цин и Вэй. *

Тяжелый лед
На реках громоздится

Везде,
Куда ни взглянешь на пути.

Уже не с горы ль Кунтун *
Он вдаль стремится,

Как бы грозя
Небесный Столб * снести?

Понтонный мост
Еще не сломан, к счастью,

Лишь балки
Неуверенно скрипят,

И путники,
Сквозь ветер и ненастье,

Скорее перейти его
Спешат.

Моей семьи
Давно уж нет со мною,

И снег, и ветер
Разделяли нас.

Я должен снова
Встретиться с семьей,

И вот ее
Увижу я сейчас.

Вхожу во двор —
Там стоны и рыданья:

От голода
Погиб сынишка мой.

И мне ль — отцу —
Скрывать свое страданье,

Когда соседи
Плачут за стеной.

И мне ль — отцу —
Не зарыдать от боли,

Что голод
Сына моего убил,

Когда все злаки
Созревали в поле,

А этот дом
Пустым и нищим был.

Всю жизнь
Я был свободен от налогов, *

Меня не слали
В воинский поход,

И если так горька
Моя дорога,

То как же бедствовал
Простой народ?

Когда о нем
Помыслию поневоле

И о солдатах,
Павших на войне, —

Предела нет
Моей жестокой боли,

Ее вовеки
Не измерить мне!

ПРИМЕЧАНИЯ

СТИХИ В 500 СЛОВ...

Дулин — местность в окрестностях Чанъани, танской столицы, где проживал в то время автор, семья которого находилась в Фынсяни, в провинции Шэньси. В пеньковом платье — то есть не состоящий на службе.

Цзи и Се — мудрые министры легендарного императора Шуня, проявлявшие заботу о простом народе.

Сюй Ю и Чао Фу — два знаменитых отшельника времен легендарного императора Яо; когда Яо предложил свой престол Сюй Ю и тот, хотя и отказавшись, рассказал об этом предложении Чао Фу, то последний почел свой слух оскверненным таким предложением и немедленно вымыл уши.

Лишань — гора к востоку от Чанъани, где находился Хуацзингун, летний дворец танского императора Сюаньцзуна.

Яочи — место пребывания богини Сиванму. Здесь подразумевается теплый источник на горе Лишань.

В халатах с длинными кистями — то есть высшие чиновники.

Тот дивный шелк чиновникам даря — то есть для того, чтобы чиновники, одаренные императором, не обижали народ.

И три небесных фен — Ян Гуй-фэй, любимая наложница императора, и ее две сестры.

Цин и Вэй — реки на север от Чанъани по дороге в Фынсянь.

Кунтун — гора в провинции Ганьсу.

Небесный столб — по китайской мифологии медный столб, который поддерживал небеса. Этот мифический столб находился якобы у горы Бучжоу, в западной части хребта Куньлунь.

Я был свободен от налогов... Принадлежа к сословию чиновников, Ду Фу был освобожден от налогов и не подлежал призыву на военную службу.